

1

Виски со льдом посреди пустыни — нереально. Примерно так и выглядела просьба Николаса Линдера — нереальной, но Вячеслав внимательно выслушал его, не перебивая. Перебивающий человек создает впечатление чего-то несерьезного. Впрочем, данная точка зрения может быть ошибочной, просто Вячеславу не безразлично, какое создастся о нем мнение (о, как много значит здесь репутация). Вячеслав шел, тактично на шаг отставая от него, секретарь мистера Линдера вообще сзади скользил, как шлейф. Линдер сразу определил дистанцию между собой и Вячеславом — уважительную, даже слегка дружескую, как это ни странно, тем не менее амикошонства лучше избегать.

— Ну, вот, пожалуй, и все, — сказал Линдер, когда они подошли к столику на лужайке под огромным деревом. На белоснежной скатерти только клубника в вазе и шампанское в ведерке. Линдер пригласил присесть: — Прошу вас, господин Алейников.

Вячеслав уселся в плетеное кресло, догадавшись, что скромный стол накрыт для него. Не густо, а он не завтракал, перехватил на ходу чашку кофе. Несмотря на жару, после поставленных задач, обманувших ожидания Вячеслава, неплохо бы хряпнуть рюмку холодненькой водочки, закусить соленым

огурцом и сальцем из морозилки. Это тоже неосуществимая мечта, ибо Вячеслав находился... страшно подумать. В Бразилии! Наши остряки немедленно бы пошутили: в Бразилии, где много диких обезьян. Пока Вячеслав ни одной обезьяны, даже прирученной, здесь не видел, диких тем более.

— Вы согласны, господин Алейников? — спросил Линдер.

Вячеслав поднял на него глаза, медленно втягивая носом воздух в легкие, а по сути, размышляя, как ответить Линдеру, чтоб тот не послал его напрямик туда, откуда он прибыл. Когда еще удастся побродить по бразильской земле, искупаться здесь в океане? Наверное, больше никогда. А шум прибоя так заманчиво лез в уши...

Встретившись глазами с Линдером, Вячеслав немного расслабился. Этот господин в свои годы недурственно сохранился. Он высок и прям, в меру худ, нетороплив — да, но при всем при том энергичен, не лишен располагающей притягательности. Вот поэтому Вячеслав и почувствовал себя более-менее сносно, не заметив надменности, ведь когда летел сюда, изрядно волновался: не приходилось ему запросто беседовать с господами такого ранга.

— Вам надо подумать? — расценил по-своему паузу Линдер.

А что тут думать? Извините-с, дело дохлое — ответ готов. Вячеслав, положив руку на сердце, расстроился. Пять лет прожил в Америке, ему исполнилось тридцать пять, а знаменитая американская мечта упорно игнорирует его, хотя он манны с неба никогда не ждал. И вдруг звонит друг: есть работа, выполнишь задание — получишь кучу баксов, свяжись по такому-то телефону, там о тебе знают. Связался, прилетел, а задание из области фантастики: поезжай в Россию, найди то, не знаю где. Но старик смотрел на него с тем ожиданием, будто Вячеслав — его последняя надежда, неловко отказывать.

— М-да, — кивнул он. — Надо подумать. Задача очень сложная...

— Я знаю, дело сложное, — согласился Линдер. — Но ничего невозможного нет. Мне кажется, человеку из России, особенно такому, как вы, будет проще этим заняться.

Вячеслав отвлекся на слугу в белых перчатках и смокинге (в жару-то), разливающего в бокалы шампанское. Все необычно, как в кино. Вячеславу страшно не хотелось попасть впросак со своим незнанием и неумением, а он постоянно отвлекался, забывал контролировать себя. Вспомнил, что слуга — это пустое место, атрибут, спросил Линдера:

— А раньше вы не пробовали искать?

— С тех пор как убедился, что в России действительно наступили перемены, активно вел поиски. Девять лет. Раньше боялся навредить ей.

— Ну вот видите, девять лет!.. — развел руками Вячеслав и тут же опустил их на колени.

Черт, это от неуверенности он то руками машет, то по сторонам глазеет, то говорит невпопад. Удивительное дело: мистер Линдер сидит почти без движений, а совершенно раскован.

— Человек — не иголка, — сказал Линдер.

— Просто вы плохо знаете, как у нас легко затеяться.

— Не так плохо, как вы думаете. Я бежал из Советского Союза в пятьдесят шестом. И не понаслышке знаю, как легко люди там пропадали.

Вот откуда его безупречный русский!

— Простите, — счел своим долгом извиниться Вячеслав.

— Не стоит извиняться, — улыбнулся Линдер. — Вы, человек другого поколения, даже не представляете, как жилось в то время, хотя, наверное, и слышали. Не всем желающим удалось удрать оттуда. Давайте, господин Алейников, чокнемся по-русски.

Чокнулись, выпили. Линдер — глоток, Вячеслав только на половине вспомнил, что пить до дна в этих кругах не принято, а холодная газировка с легкими градусами классно охлаждала, но он остановился. Треклятое волнение, будто на экзамене, от которого зависит вся его дальнейшая жизнь, а ведь уже не зависит.

— В пятьдесят шестом? — переспросил он. — Вы представляете, сколько ей лет? — При условии, что она вообще жива.

— Столько же, сколько мне: семьдесят восемь.

Вячеслав чуть не поперхнулся и не сказал: дедушка, по статистике, у нас так долго не живут, а если живут, то в горах, где орлы летают. Вовремя спохватился.

— Боюсь, когда вы ее найдете... немного... разочаруетесь.

И опять невпопад. Бестактность. Ну не прошел Вячеслав школу учтивости. Взял и грубо намекнул: ни бабушка вас не узнает, ни вы ее, разве что испугаетесь оба друг друга.

— Вы только найдите, а уж я не разочаруюсь, поверьте.

Старик сказал это так тихо и так проникновенно, что у Вячеслава дрогнуло сердце. Вместе с тем он терялся в догадках: на фиг ему бабка из России? Для любви, пардон, возраст не тот и у него, и у нее.

— Я понимаю, она, быть может, не дожила до этого дня, — между тем продолжил Линдер, — но хочется верить, что жива. Нет, верю. Мне вы симпатичны, господин Алейников, я бы очень хотел, чтобы вы, именно вы взялись за поиски. Я справлялся о вас, получил самые положительные рекомендации. В России вы занимались поисками, не так ли?

— Поисками преступников, — уточнил Вячеслав. — К тому же я был рядовым работником милиции и, как у нас говорят, звезд с неба не хватал.

Классно ввернул и про работу, и про звезды.

8 Это намек: я не справлюсь.

— Никто не знает, когда и кому предстоит поймать звезду, — сказал Линдер. — Возможно, сейчас настал ваш час. Мое задание, может, не столь опасно, как поиски преступников, но по вашей специальности. Где вы остановились?

— В городе. В отеле.

— У меня вам будет удобней и безопасней. Через три дня я лечу в Нью-Йорк, потом в Лондон. Если вы согласитесь, полетите со мной в Лондон, затем в Москву. Три дня хватит на размышления?

— Да, конечно. Только мне надо съездить за вещами.

— Ваши вещи привезет Саймон, мой секретарь.

— Сэр? — наклонился Саймон, все время стоявший у шефа за спиной, как пограничный столб.

Линдер ничего ему не сказал, о чем-то задумался. Машинально он взял клубнику и положил в рот, медленно прожевав, проговорил:

— Мокро — и только. — Линдер бросил салфетку на стол. — В России клубника пахнет солнцем и поцелуем.

Вячеслав заерзал, чтоб скрыть усмешку: ну, старик и дает! К чему-то о поцелуях заговорил. И вообще склонен к разглагольствованиям, наверное, думает, что он философ. Очнувшись, Вячеслав спросил:

— Вы скучаете по России?

— Отдыхайте, господин Алейников, — проигнорировал вопрос Линдер. — Пейте шампанское, ешьте клубнику, плавайте. Бассейн и гардероб, где вы подберете себе все для купания, вам покажут. Вашу комнату тоже.

— Мне бы в море... то есть в океане...

— Как вам будет угодно. — Старик поднялся, подскочил и Вячеслав. — Сидите, сидите. Будете плавать в океане, не расслабляйтесь — опасно, здесь все же не пляж. Я люблю первозданную природу, поэтому ничего не нарушал на берегу. Да, можете воспользоваться яхтой, аквалангом, если любите

подводное плавание. Но обязательно возьмите кого-нибудь из моих людей. Если захотите познакомиться с пляжами, берегите карманы и не берите с собой ценных вещей, оставьте даже часы, иначе их снимут у вас на глазах, а вы не заметите.

Линдер, поражая статью, двинул к белоснежному дворцу, за ним, как тень, последовал Саймон, а Вячеслав развалился в кресле, вытянув скрещенные ноги и чувствуя спад напряжения. Он достал сигареты, закурил, небрежно кинул пачку на стол.

Дедушка перегнул палку: по вашей специальности! Поскольку Вячеслав обладает плохим качеством для современного человека — честностью, ответ у него, безусловно, готов: НЕТ. Причина: бабушка за полста лет успела двадцать раз выйти замуж, соответственно, столько же раз сменить фамилию, десять раз переехать с Кубани на Камчатку. В конце концов, дать дуба, что в современных российских условиях вполне реально. Не стоит уповать на компьютеры, архивы, милицию. Там сведения испаряются, как роса, а документы обретают крылья и вылетают в форточку. Вячеслав изредка летал в Россию, знает, что почему, но всегда возвращался в Америку, еще надеясь на везение, потому что молод и амбициозен. Казалось бы, повезло, Линдер предложил работу... И в то же время какое-то сомнительное везение...

Он покосился на слугу, стоявшего рядом с лицом каменного идола с острова Пасхи. Указав на шампанское двумя пальцами, между которых была зажата сигарета, сказал по-русски:

— Чего стоишь? Наливай.

Тот, явно не знающий ни слова по-русски, понял.

На другом конце земного шара крупные хлопья снега залепляли лицо, а день — и без того короткий — раньше времени превратился в густые сумерки. Снег коварно присыпал образовавшийся после оттепели гололед. Далила с опаской переставляла

ноги в сапогах на высоких каблуках, держа в руках полные сумки. На самых скользких участках она останавливалась, ища безопасное место в обход и жалея, что не надела сапоги без каблуков. Ночью началась оттепель, а днем резко понизилась температура, повалил снег.

С горем пополам Далила добралась до остановки, поставила сумки на скамью и отерла лицо от влаги. Косметика, наверное, размазалась, хотя какая разница — все равно домой. Подошла еще одна женщина, примерно возраста Далилы, но, в отличие от нее, выглядывшая на все свои паспортные данные.

— Ну и погода, — заскрипела женщина, сразу став неинтересной Далиле. Такие всем и всегда недовольны, им и солнце светит то слишком жарко, то слишком тускло. — Просто напасть. Давление скачет..

— Мне нравится, — обрubiла Далила, чтоб брызга отстала.

Она не лукавила, ей нравилась всякая погода, главное — одеться соответствующе. Подошел троллейбус, Далила нашла свободное место, уселась и набрала номер на мобильнике. Дочь не ответила уже который раз за сегодня. Миле вот-вот рожать, живет она в другом городе, а Далила работает и не может поехать к ней, когда вздумается. Зятю позвонить не успела, так как троллейбус подполз к конечной остановке.

Далила вышла и, посмотрев на группу домов вдалеке, затосковала: идти и идти на каблуках, времени будет потрачено втрое больше, а устала... мрак! Она поплелась к дому, мечтая, как сначала немного отдохнет, выпьет кофейку с ложкой коньяка, выкурит одну сигаретку (никак не бросит эту заразу) и поболтает с соседкой.

Микрорайон новый, не застроен полностью, посему здесь простор, как в степи... Правда, от остановки до жилых домов степь окультурили: протянули широкую пешеходную дорожку, вымостили квадратными плитами, посадили несколько деревьев,

по обеим сторонам дорожки летом растет газонная трава. Бордюров, отделяющих газон от пешеходной тропы, нет, поэтому нахалы, чтоб не мчаться в объезд, бессовестно ездят здесь на автомобилях.

Услышав рев мотора за спиной, Далила решила посмотреть, кто это тут разъезжился, через плечо оглянулась...

На нее, не собираясь объезжать, мчался автомобиль. Далила подумала, что на заледенелой дороге свернуть невозможно, надо самой отойти, чтоб не попасть под колеса. Отошла в сторону на пару шагов, а крыло авто все равно ударило по заду. Далилу закрутило после удара на одной ноге, она рухнула плашмя на живот. Да так быстро случилось столкновение и падение — толком не разобралась, что произошло, не почувствовала боли. Подняв голову, заметила: автомобиль удаляется на огромной скорости. Вдруг он довольно легко развернулся и поехал назад. Глаза Далилы расширились: несется прямо на нее!

Мгновенно заработала мысль: сейчас задавят, как собаку или кошку на дороге. Поскольку Далила не из тех, кто бросает жизнь под колеса, она не растерялась, а сгруппировалась, не отводя глаз от машины. Когда поняла, что придурки даже не думают тормозить, перекатилась несколько раз в сторону. Машина проехала по тому месту, где только что лежала она! Нет, у этих уродов явное намерение ее задавить.

Раздался оглушительный свист. Кто-то бежал и свистел. Далила вновь подняла голову, увидела разворачивающийся автомобиль и готовилась к новому наезду, в это время над головой раздалось:

— Давайте помогу.

Она не ответила, смотрела на автомобиль, который, сделав два круга, умчался. А ее уже поднимали, одновременно молодой человек говорил:

— Развлечение нашли, экстремалы хреновы.

— Это вы свистели? — спросила Далила, не успевшая как следует испугаться.

— Я. Надо же было их остановить.

— Спасибо.

— Вы ушиблись?

— Не очень. Идти смогу.

— Я помогу вам. — Он взял сумки, подавленные колесами, предложил держаться за него, оба двинули к домам. — Номер видели?

— Нет. Я вообще-то ничего не сообразила. Давно жильцов подбивала написать властям, чтоб фонари поставили, темень же ночью... А что это было?

— Не поняли? Вас давили. Ублюдкам нервишки пощекотать захотелось, эксперименты устраивают над людьми. Я оставлю вам телефон, если надумаете заявлять в милицию, пойду в свидетели.

— Обычно отказываются идти в свидетели, — улыбнулась Далила, тронутая до глубины души оказанной помощью. — Мы пришли... Может, кофе?

— Нет-нет, спасибо, я тороплюсь.

— А как же мне вас отблагодарить?

— Да никак. Вот моя карточка, звоните, если что.

Дома, осмотрев содержимое сумок, Далила выкинула испорченные продукты, ну а пеленки с распашонками все равно стирать. Устроилась на кухне с чашкой кофе, после второго глотка до нее дошло: полчаса назад она находилась в шаге от смерти. Затрясло. Вон как устроено: не думал, не гадал, а смерть бах — тебя и нету. Далила выпила коньяк, который обычно добавляла в кофе, почувствовала, как ноют поясница и нога, — удар, оказывается, был сильным. Ничего, пройдет. Набрала номер — Мила не ответила, набрала второй, услышав зятя, сказала:

— Это твоя теща. Почему Мила не отвечает?

— Не волнуйтесь, она в больнице.

— Началось?! — занервничала Далила. — Когда?

— Днем. Я сообщу, как только родит.

Далила положила трубку и взялась за сигарету. Сигарета теперь как транквилизатор, значит, будет выкурена не одна. Тоскливо сидеть в одиноче-

стве, Далила позвонила соседке, та мигом примчалась и услышала новость:

— Все, прощай молодость, начинается старость, и меня от нее отделяет всего лишь рождение внука. Милка рожает.

— И-и-и! — завизжала Настасья, миловидная платиновая блондинка тридцати шести лет, легкомысленная кокетка, но в этом ее прелесть. — Выпить есть?

— А то! Садись. А на меня только что наезд был.

— Начальство бесится? — спросила Настасья, плюхаясь на стул.

— Какие-то подонки на машине пытались задавить, представляешь? Сбили. То есть, удар пришелся по заднице справа, я крутилась на одной ноге, как балерина, потом грохнулась. А они развернулись и снова на меня поехали. Нет, клянусь! Ехали прямо на меня, представляешь? Я, как спецназовец, из-под колес кубарем выкатилась, а потом незнакомый парень спас. Поясница болит... Ты сама поищи закуску, а?

Настасья вскочила; изучая холодильник, советовала:

— Обязательно сходи на рентген, как бы перелома костей не было. И что, просто так — взяли и наехали?

— Угу. Парень сказал: развлекаются сейчас так. Слушай, страшно жить.

— Ой, не говори. — Настасья пожарила яичницу, нарезала сыр, колбасу, хлеб. — У тебя сейчас опасный период, Далила. Сколько тебе стукнуло?

— Слушай, вот это не надо, — гася сигарету и беря другую, сказала она. — Мне двадцать девять и несколько месяцев... Ну, пусть будет тридцать. Все.

— Хорошо, ты младше меня, тебе тридцать... как твоей Миле, — без иронии согласилась Настасья. — Прекрасно. Часто как раз в этот период идет наступление астральных сил, причем сил низменного уровня...

— Настасья, я тебя умоляю, — застонала и рассмеялась одновременно Далила. — Астральные силы! Стыдно быть такой наивной.

— Послушай меня хоть раз! Смотри: с тобой второй раз случается странное явление, а ты благополучно избегаешь смерти.

— Что ты имеешь в виду? — озадачилась Далила.

— Сегодня на тебя наехали подонки, а что было позавчера?

— Ты про глыбу льда, которая с крыши свалилась?

— Вот! — потрясла ножом Настасья. — Глыба льда! Но ты испугалась собаки, побежавшей на тебя, прижалась к стене...

— А глыба упала перед моим носом, — закончила Далила. — Ну и что? Я больше не хожу вдоль стен домов, выбираюсь на дорогу.

— Не понимаешь. — Настасья присела, налила себе и подруге по рюмочке. — У тебя полоса невезения. Низменные силы хотят тебя искалечить или даже убить, а высшие силы посылают спасение в виде собаки... И юношу. Тебя выбрали и ведут борьбу за твою жизнь.

— И что теперь делать? — Далила засомневалась в правоте своих взглядов.

— Возьми больничный и посиди дома неделку. За это время стихии астрального мира переберутся, а ты будешь жить дальше до старости.

— Пожалуй, возьму.

— Ну, давай за твою Милу, — подняла Настасья рюмку. — Чтоб у нее роды были легкими, а внук родился крепким и здоровым... Неплохой коньяк. Далила, а у меня друг появился.

— Какое счастье! — скептически хмыкнула та, ибо «друзья» у Настасьи появлялись довольно часто. — Может, теперь перестанешь копать в астралах?

— Я знала, что он появится, — закусывая, сказала Настасья. — Все приметы на это указывали. Утром проснулась и вижу: облако в комнате. Как только поняла, что мне знак явился, облако растаяло.

Потом еще видение было...

— Настасья, я с тобой с ума сойду. Две сумасшедшие на одной площадке — это опасность для всего дома.

— Хорошо, не буду. Кофе поставить?

Пили кофе и коньяк, а Далила мыслями была с внуком, который вот-вот должен появиться на свет.

2

Вячеслав сполна вкусил истинно богатой жизни, когда ни о чем не надо заботиться, за тебя это делают другие. Старик Линдер свалил неизвестно куда, а Вячеслав и на яхте катался, разумеется, не один, потому что не умеет ею управлять, учиться ни к чему — яхты у него никогда не будет. И под водой плавал, правда, акул не встретил, но был готов сразиться с ними. Он и на лошади... ходил шагом, скакать нет навыков. В общем, набрался впечатлений на всю оставшуюся жизнь. И ни разу не задумался о той цели, ради которой его пригласили сюда.

Линдер прикатил на третий день, за обедом ни словом не обмолвился, мол, вы согласны работать? Значит, основной разговор состоится вечером, к нему и готовился Вячеслав, а также собирал вещи, не предполагая, что ждут его большие сомнения. К сомнениям привел звонок приятеля из Штатов — друга бывшей жены (не того, с кем спят, а в прямом смысле), который перешел к Вячеславу по наследству.

— Вичес (Вячеслав адаптировал имя к своему американскому вкусу, имя закрепилось, в американских документах он так и значится — Вичес), как у тебя дела?

— Скорей всего, вылечу завтра.

— Ты дал согласие на предложение Линдера?

— Думаю, его задание не под силу даже бывшему КГБ.

— Отказался?? Идиот! Вы, русские, все тронутые.

— Это ваше американское заблуждение, — вернул Вячеслав.

— Он платит миллион долларов!

— Повтори, что ты сказал? — выдавил Вячеслав. — Ско-колько?

— Миллион. Будь уверен, Линдер слов на ветер не бросает. Я бы сам полетел искать его каргу, если б знал русский. Вичес, такой шанс выпадает раз в жизни и одному из миллиарда.

Вячеслав кинул мобильник на кровать и, мягко говоря, задрожал. Миллион! За то, чтоб найти могилу бабушки? А если бабуля жива?..

— О! — выдохнул Вячеслав, плашмя падая на постель.

В его положении и десять тысяч баксов — сумма. Он женился по страстной любви на американке, переехал к ней, с языком проблемы, работы не было, любовь разбилась о менталитет. Он развелся, от американок нос воротил с их долбаной эмансипацией, кое-как работал, осваивая английский, на квартиру и гамбургер с пивом хватало, выкраивал деньги на поездки в Россию. И находился в известном русском вопросе: что делать дальше? Возвращаться домой или барахтаться в Америке? Не балует родина перспективами, а тридцать пять — это уже рубеж, когда позади есть опыт, а впереди должны быть авторитет и постоянство, базирующиеся на опыте. Вячеслав опыт приобрел, но слишком разнообразный, чтоб он стал базой для авторитета и постоянства. Деньги открывают неограниченные возможности, и деньги можно заработать. Как? Люди десятилетиями ищут родственников и не находят. Был бы он авантюристом, согласился бы, не раздумывая, но деньги надо отработать. Так как же быть?

— А если попробовать? — сказал он вслух. — В конце концов, что я теряю? Только хреновую работу: отвезите бумажки туда, потом туда...

Вопреки ожиданиям, ужин прошел в чопорном молчании. После ужина Линдер пригласил

Вячеслава в каминный зал (нет, каково: в доме кондиционеры пашут, и в то же время горят дровишки в камине), сели в кресла.

— Вы можете курить прямо здесь, — разрешил Линдер.

— Благодарю вас, — доставая сигареты, произнес Вячеслав.

Тут же слуга принес пепельницу и вино.

— Люблю смотреть на огонь, — сказал Линдер. — В лагерях огонь в печурке был единственной отрадой, дававшей надежду. Странно, да?

— Вы сидели в лагерях? — спросил Вячеслав, только чтоб поддержать беседу.

— Я ушел на фронт в семнадцать, приписав себе один год, сделать это было нетрудно в то время. Шел сорок четвертый, а в сорок пятом зимой попал в плен. Всего три дня пробыл в плену, за что меня после войны посадили. Припомнили и отца, расстрелянного в тридцать шестом, и что дядя жил за границей. Линдер — моя настоящая фамилия. А знаете, как она звучит полностью? Линдер ав Сварто.

— Ого! Красиво.

— Длинно и неудобно. Император Николай I в 1830 году отметил подполковника Карла-Антон Линдера, возведя его в дворянское достоинство. В его честь меня и назвали Николаем. А уже весной 1859 года горный советник Магнус Линдер, мой пращур, был возведен в баронское достоинство с фамилией Линдер ав Сварто. В июне того же года наш род был внесен в матрикул дворянских фамилий Великого княжества Финляндского в число родов баронских под номером 44. Сами понимаете, после плена мне все припомнили, баронство тоже.

— Сколько вы сидели в лагере?

— Там не сидели, а трудились до бесчувствия. Дни были одинаковыми, разнообразились только погодой:

дождь, снег, солнечно, пасмурно. Я бы сошел с

18 ума, если б не интереснейшие люди, которые

образовывали меня. Да, я получил высшее образование там, потом только подтвердил его. А провел в лагерях с лета сорок пятого по апрель пятьдесят четвертого. После смерти Сталина объявили амнистию для заключенных, чей срок не превышал пяти лет, выпустили огромное число уголовников, а я должен был отбывать срок дальше, до пятнадцати лет. Несправедливость привела к восстаниям во многих лагерях, она же и меня заставила искать выход. В списках, подпадавших под амнистию, значились и те, кто совершил «военные правонарушения», а это и было главной моей виной. Я написал прошение о реабилитации, и не только я, мы ждали решения. Процедура реабилитации длилась год, ведь дело проходило через Верховный суд или его военную коллегия. Мое дело было решено положительно, по сравнению с другими я провел в лагерях немного, всего восемь лет. Когда освободился, мне уже исполнилось двадцать семь, дома у меня не было, мама умерла. Я приехал...

Последнее письмо от нее он получил месяцев семь назад и не знал, ждет ли она его или уже нет. Николай спрыгнул с подножки поезда, ватник не застегнул, хотя было холодно — весна в том году выдалась далеко не теплой, — закинул котомку на плечо и зашагал в здание вокзала. Было раннее утро, он не решился заявиться чуть свет, да и встречи боялся. Денег имел немного, а голод мучил, Николай купил в вокзальном буфете чая с двойной порцией сахара, которого так не хватало все эти годы, неторопливо пил, разглядывая людей.

Пешком дошел до своего дома, посмотрел на него — стоит. Но там, на втором этаже, жили уже другие люди. Двинул дальше, а все изменилось: улицы стали другими, люди другими, по-иному одевались. Он попал в незнакомый мир, не знал, как будет жить в нем, но был молод, значит, полон надежд. Поднявшись на этаж, позвонил и отер пот волнения со лба. 19